

В.К. Васильев

ОБРАЗ ВОИНА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАТНОМ СЛУЖЕНИИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Цель и задачи исследования

Ранее мы описали церемониал подготовки к битве, основные представления о ней так, как они сложились в культуре русского средневековья под влиянием христианства (см.: [1. С. 132-137]). Далее хотелось бы обратиться к текстам тех же древнерусских «воинских повестей» с целью рассмотрения образа воина и темы ратного служения. Для этого необходимо сравнить образ ратника с образами монаха, с одной стороны, и мученика - с другой, а «воинскую повесть» - с «мученическим житием». Что касается последнего аспекта, то нас будет интересовать *феномен реализации житийной структуры в типе повествования, традиционно относимом к разделу так называемой светской (мирской) литературы.*

2. Воин и монах: разность путей и судеб

Воин - фигура для средневековья типичная и репрезентативная, в той же степени, например, как и фигура монаха. Монах - герой церковного «жития», воин - герой «светской» «воинской повести». Казалось бы, что общего между ними? Последний живет в миру, он может быть и князем, и боярином, и ремесленником, и земледельцем. Пока нет войны, каждый занимается своим делом. Другой, совершив постриг, отрекается от всего мирского, принимает звание «живого», «непогребенного мертвеца». Отвергшись от мирских путей, монах избирает путь, ведущий в царство небесное. Эти представления буквальны. «По Иванна Лествечника слову: «Всяк чернец преже смерти умрет, гроб себе келию обрет», - писал автор «Иного сказания» (17 в.). «Яко же бо нелепо мертвец на конь всажен, тако же и мних власть в мире прием: но овому свое есть, еже во гробе вложится, овому же, еже в келии затворився плакати грех своих и всячески нудитися, еже удалитися всего честнаго в мире сем. Аще ли мертвый на коне, инок же власть держа, то обою кроме естества. Мирскому бо мирская подобает строити, а иноку иноческий путь правити» [2. С. 184-185], - поучал иноков Кирилло-Белозерского монастыря Иван Грозный. Чернецу запрещено одевать воинскую одежду (как и любую другую, кроме монашеской [3]) и брать в руки оружие [4]. Он не должен иметь «ни туда, ни меча, ни шлема, ни копия <...> (понеже ему не дано то, ни поведено от сотворшаго вся того держати)» [5. С. 44]. «И не достоин иноку храбро вооруженных полкх ездити съ вершники, аки воину на брань» [6. С. 13;7].

Как видим, разведение образов воина и монаха может выступать в средневековом мировосприятии и средневековых текстах резко и отчетливо. Насколько это разведение абсолютно? Следует ли видеть в нем и разность путей данных персонажей? Как бы ни были различны эти герои, судьба объединяет их обоих. В ту минуту, когда воин выступил навстречу врагу, его путь становится схожим с путем постриженника.

3. Особенности реализации структуры «мученического жития» в «воинской повести»

Ограничимся рассмотрением двух «воинских повестей» - «Сказания о Мамаевом побоище» (Основная редакция) и «Казанской истории» (далее «Сказание» и «История»; о датировке см.: [1. С. 133]). *Оба памятника заключают в себе ярко выраженное религиозно-агиографическое начало, ментальность мученичества.* Вызвано это наличием в сюжете мученического конфликта (о структуре «жития-маририя» см.: [8. С. 81-85; 9. С. 98-103]).

Конфликт предполагает присутствие участвующих в нем сторон. В качестве противника христианства, мучителя выступает внешний враг.

3.1. Описание внешнего врага

В «Сказании» это «поганые» татары («агаряне») и «безбожный», «свирепый зверь» (в молитве князя Дмитрия (см.: [10. С. 28]) Мамай, «еллинъ (язычник) сый верою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель» [10. С.25] (в цитатах выделено нами. —В.В.). Данная характеристика должна была вызвать у читателя ассоциацию с временами, когда последователи Иисуса Христа подвергались массовым гонениям и преследованиям. Закономерно, что автор уподобляет Мамаю римскому императору Юлиану Отступнику. Косвенно Мамаю даже приписывается желание пленить Иерусалим (см.: [10. С. 27]). Он наследник политики Батыея. Старые татары рассказывают ему, «како пленить Русскую землю царь Батый <...> и святыя церкви оскверни, многы монастыри и села пожже, и въ Володимире въселенскую церковь златоверхую разграбилъ». Мамай - посланник дьявола, именно тот подучил его, «како разорити православную веру и осквернити святыя церкви и всему христьянству хоцеть покорену от него быти, яко бы ся не славило Господне имя в людех его» [10. С. 25]. Итак, *уже само появление внешнего врага в сюжете воинской повести означает завязку мученического конфликта.*

Автор «Истории» создал куда более сложный сюжет, используя при этом массу исторических и легендарных источников. Он описывает именно историю Казанского царства с момента возникновения и до падения. Данная линия строится по модели сюжета о появлении на свет природного зла (см.: [8. С. 81-85]). Происхождение Казани описано

через мотив злого, греховного рождения, который включает в себя символику «корня» («семени», «древа») и «плода». Сюжетными заместителями природного злодея в данном варианте предстают змей, покровитель казанцев, и они сами.

Столица татарского царства возникла на месте, где было «издавна гнездо змиево». «...и един змий, велик и страшен, о двюю главах: едину главу змиеву, а другую волову. *И единою главою человеки пожираше* и звери и скоты, а другою главою траву ядыше. А инья змии около его лежаше, живяху с ним всяцыми образь» [11. С. 314]. Царь Саин при помощи волхва очистил логово огнем и поставил на нем город, «...возгнездися на змиинном точевищи словесен лютый змий - воцарися во граде скверный царь» [11. С. 316].

Уподобление мифологического основателя Казанского царства змею носит метафорический характер: «словесен лютый змий». И тем не менее в этом приобретенном художественные черты сочинении XVI в. смыслы архетипического сюжета о змеборстве реализуются не в метафорическом, а в мифологическом ключе. Саин и казанцы обрели в лице змея своего первопредка-покровителя и унаследовали его природу.

Казань была разорена московским войском, но царь, изгнанник из Золотой Орды, Улу-Ахмет основал ее заново недалеко от старого места. Запустение Орды привело к заселению и укреплению города. «И преиде царская слава и честь велия Болшия Орды <...> на преокаянную младую дщерь Казань <...> *От злого древа, реку же, от Златыя Орды, злая ветвь произыде - Казань - и горкий плод второе изнесе, зачася от другого царя ординска*» [11. С. 326].

Происхождение казанцев и их царства от змея-аспида-беса и от «злого древа», Золотой Орды, предполагает соответствующую их природе характеристику. Предвидя победу Ивана Г, казанцы каются и объясняют причину своего непокорства: «...злым обычаем нашим прегордым от родства своего одержимы есмы...» Автор описывает реакцию русских воинов на эти слова: «Мнози <...> плеваху и проклинаху *мерекая зачатия их змиина и асидоворождения их*» [11. С. 522].

Казань - «презлое царство срацынское» [11. С. 300], «*кровиорускою беспрестани княжие*» [11. С. 326]. Цари казанские-«*кровотийцы, Руския земли губители*» [11. С. 316]. «Мало таковых людей [казанцев] <...> *злых во всей вселенной обретаешся*» [11. С. 472]. Для русских они «*злее <...> паче огня всеядца и меча ободоуостра, и всякия болезни и горкия смерти горчайшии*» [11. С. 524]. Как и в предыдущем произведении, татары - противники христианства, «...*священники твоя заклаша <...> алтари твоя раскопаша, и святая твоя в поправление скверными ногами их быша*» [11. С. 304]. Глава 23 «Истории» носит название: «О пленении казанцев на Русскую землю и осквернении от них святых Божских церквах и поругание Христианом». В ней рассказываются «беда за многа лета от казанцев <...> православным Христианом паче Батыя» [11. С. 364]. Татары «*честных великия монастыри огнем пожгоша, святыя церкви стоянием своим оскверниша*», «*блуд над пленеными женами и девицами творяху <...> и мнихом наругахуся <...> имладыя инокини разстризаху и разтлеваху их, яко простыя девицы, и за себя поимаху; над девицами же мирскими пред очима отец и матерей их беззаконие, блудное дело, несрамляюще творяху, тако же и над женами пред очима мужей их, еще и над старыми женами, которы и до 40лет и до 50 во вдовстве пребываху*» [11. С. 366]. (Ср.: закрепленность мотива блуда за природным злодеем.)

Соответственно, Господь карает казанцев злой смертью - в тексте постоянно звучат мотивы возмездия Божия. «Божиим промыслом» погибла Золотая Орда (см.: [11. С. 310]). Одного из основателей Казани, змея-царя Улу-Ахмета, также ждала злая смерть. «...со юнейшим своим сыном с Ягупом: оба ножем зарезаны от болшаго сына своего Мамотьяка» [И. С. 310]. (Авторы комментария предполагают, что данный рассказ носит легендарный характер - (см.: [11. С. 609]). Царь Махмет-Амин за измену и пролитие русской крови также испил «*чашию Божью отмщения*»: «позази <...> Бог язвою неизцелною от главы и до ногу его. Люте боляше три лета, на одре лежа, весь кипия гноем и червьями» [11. С. 338]. В болезни он размышляет: «*Иубивает мярусский Бог*» [11. С. 340]. Даже нелепая смерть царя Сафа-Гирея (пьяный он умывался, поскользнулся и убился насмерть) заставляет автора удивиться провидению Божию: «*Словес Божских суд! Мечь и копие не уби его, и многжды на ратех смертныя раны возлагаху нань, ныне же, пьян <...> о землю весь разразися <...> И от того умре*». Перед смертью царь произносит слова: «*Несть ино ничто, но кровьхристианскаяубиия*» [И. С. 382] и пр.

Иван Грозный обращается перед штурмом к жителям Казани: «...за велику неправду вашу *послан Богом, приидох оружием показнати вас*» [11. С. 474]. Ср. его слова перед падением города: «...и не можете Божия гнева ни под землю укрытися, *Богуя пославиу погубити вас <...> И что Богу противитесь?*» [11. С. 504]. «И збытися от русских всегда о Казани глаголющее слово, яко мечем и на крови зачася Казань, такоже и скончася мечем и кровию» [11. С. 526] (ср.: [Матф. 26,52; Апок. 13,10]), - подводит автор итог истории татарского царства. (Заметим, что злая участь предуготовлена автором «Сказания» и Мамаю. Убегающие с поля битвы татары восклицают: «Увы нам честный наш царю Мамаю! Взнесе бо ся высоко - и до ада шиех еси!» [10. С. 45].)

Таким образом, в выстроенном автором сюжете гибель Казани предстает как возмездие Господне за многократное пролитие крови христиан, разорение Русской земли, осквернение ее святынь и т.п. В целом же в этом незамысловатом и абсолютно типичном для христианской культуры повествовании читатель может видеть все основные мотивы сюжета о рождении и гибели природного зла.

3.2. Образ князя (царя)

Если в описании внешних врагов доминантой являются антихристианские черты, то должны оправдаться и наши ожидания наличия *агиографической характеристики* их антагонистов - русских воинов, прежде всего главных героев: Дмитрия Ивановича - в «Сказании», Ивана Грозного - в «Истории».

О князе Дмитрии Ивановиче сказано: *«к Богу веру з добрыми делы и правду въ сердце дръжыт и на Бога упование възлагает <...> смирен человек и образ нося смиреномудрия, небесных желая и чаа от Бога будущих вечных благ...»* [10. С. 27]. Эти строки созвучны словам митрополита Киприана, обращенным к Дмитрию: *«Закон Божий чтееши и твориши правду, яко праведень Господь и правду възлюби»* [10. С. 29]. «При первом же упоминании имени великого князя автор характеризует его в ярковыраженных агиографических тонах. *Эта характеристика скорее похожа на характеристику святого, чем государственного деятеля*», - замечает Л.А. Дмитриев (курсив наш. -В.В.) [12. С. 141]. Каноничность облика героя проявляется и в том, что он «проливает слезы» во время молитв и призывов к мученической смерти. (Как мужественный воин он удерживается от слез при прощании с женой, но как христианин *«сердцем велми слезяше»* [10. С.33].)

В «Истории» жена Анастасия обращается к мужу в сцене прощания: *«Ты убо, о благочестивый мой господине царю, заповеди Божия храниши и тишишия един паче всех дугию свою положиши за люди своя»* [11. С. 452]. В финале автор складывает целый панегирик Грозному. Он пишет, что своими делами царь не искал себе тленных похвал, *«но о своем царствии тружашеся, общаго ради составления мирскаго, о благостоянии святых церквей и устроении земском, и о тишине всего православнаго христианства <...> И в день убо царская стояще, нощию же по церквам святым и по монастырем, близ града стоящим, яздяще и молящеся к человеколюбиу Богу и ко пречистой Богородицы, обливаясь слезами, помиловати и ущедрити согрешившая рабы своя и до конца смирити, и покорити ему поганья казанцы...»* и пр. [11. С. 558].

Путь война

В желании Дмитрием Ивановичем «небесного» и чаянии «будущих вечных благ» от Бога очевидна авторская заявка **на мученический конфликт. В лице главного героя исторической «воинской повести» мы одновременно легко узнаем героя, аналогичного классическому герою жития-мartyрия.**

Московский князь изъявляет желание первым *«пострадати»* «за веру Христову <...> даже и до смерти» [10. С. 30]. Ср.: Иван Грозный хочет сам *«своей подвижничити <...> и страдати за православную веру нашу и за святых церкви: не токмо же до крови страдати хоцю, но и до последняго ми издыхания»* и т.п. [11. С. 446]. Появление данного мотива вполне закономерно. Великий князь (царь) - первый в княжеском роде. Остальные князья, как и вся Русская земля, находятся под его началом. Его характер и судьба тесно связаны с состоянием и судьбой Руси. Провиденциалистское понимание истории и строго иерархическое устройство средневекового общества неизбежно приводили к мысли о вине и грехе прежде всего первых лиц в государстве за те беды и напасти, которыми карает Бог Русскую землю. Дмитрий Иванович осознает свою вину. Услышав о походе Мамай, он молится: *«И ныне, Господи, царю, владыко, не до конца прогневайся на нас, вем бо, Господи, якомене ради, грешного, хоцееши всю землю нашу погубити; аз бо съгреших пред тобою паче всех человек»* [10. С.28] и др. Ср. молитву Грозного: *«Доколе, Господи, прогневаешися на рабы твоя? Мене же еси, яко добраго пастыря, избрал стаду твоему, и, аз согреших, мене погуби прежде, а не овцы моя»* [11. С. 370] (ср.: [2-я Царств 24,17]).

Не только великому князю, но и всем русским воинам судьба предоставила возможность уподобиться христи-анам-первомученикам. Дмитрий Иванович посылает гонцов по всей Русской земле с призывом выступить на брань с врагами. В его речи перед князьями главное - завещание князя Владимира Святославовича Киевского, *«иже просвети всю землю Русскую святым крещением, <...> ту же веру святую крепко дръжати и хранити и поборати по ней. Аще кто ея ради постражетъ, то въ оном веце съ святыми пръвомучившимися по вере Христове причтен будет»*. Князья отвечают: *«И мы, государь, днесь готовы есмь умерети с тобою и главы своя положити за святую веру христианскую и за твою великую обиду»* [10. С. 30]. Воины также готовы сложить головы за святую веру христианскую, обиду великого князя и Русскую землю. Они выбрали свой путь. *«И подвиг-гошяся князь великий Дмитрий Иванович по велицей шыроце дорозе, а по нем грядуть русские сынове успешно, яко медвяныа чяши и пити и сътеблиа виннаго ясти»* [10. С. 34]. В данном сравнении не только уподобление предстоящей битвы пиру, но и символика пути русских воинов, будущих мучеников, в рай.

На призыв Дмитрия Ивановича пострадать за веру князья отвечают согласием, перефразируя при этом цитату из Евангелия, которой обычно мотивируется подвиг всякого христианина (отшельника, монаха, юродивого [13] и пр.), решившего посвятить себя служению Богу. *«Всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имени моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит»* [Матф. 19, 29]. Очень важно заметить, что в структуре евангельской цитаты первая смысловая часть, в которой говорится о необходимости ухода и отречения от мира во имя Христа, заменена автором на смысловую единицу, раскрывающую в контексте «Сказания» **смысл воинского подвига как мученического** (ниже мы выделяем ее курсивом). Князья произносят: *«рече бо Господь: «Аще кто постражетъ, имени моего ради, то въ будущий векъ сторицею възприиметъ животь вечный»*. Отсутствующий в Евангелии текст в «Сказании» представлен в качестве евангельской заповеди! Готовый исполнить ее, великий князь свершает, по словам книжника, именно *«евангельскую заповедь»*, *«закон Божий»* [10. С.30]. В утро сражения Дмитрий Иванович напоминает об этой заповеди русским воинам: *«...ничто же, братие, земного не помышляйте, не у*

клонимся у бо, да венци победными увяземся от Христа Бога» [10. С. 41]. Предельно конкретно закон отречения от мира выражен в другом памятнике куликовского цикла, «Задонщине»: «Князи и бояря и удалые люди, оставимте вся дома своя и богатество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получиши, главы своя положити за землю Рускую и за веру христианьскую» [14. С. 33]. Ср. обещание воинов, данное перед походом Ивану IV в «Истории»: «И отвещаша ему братия <...> и вся благородным его велможи, яко единемусты и едином гласом с веселием сердца вкупе еси: «<...> да вси мы по силе своей, елико поможет Бог, крепко имамы страдати и полагати главы наши нелестно за святыя церкви и за все православие державы твоя. И за тебе, великого нашего самодержца, должни есмы умерети и все богатество наше и дома, и жены, и чада своя забыты и ни во что же положити»» [11. С. 448]. В битве с казанцами они исполняют обещанное: «И еще ново прибави к ним [прежним воинам] - <...> и глав своих не щадящих в нужное время, и отцев и матерей своих, и жен, и детей своих забывающих, ни смерти боящихся» [И.С.362].

В «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского» мы отметили «жест отречения»: герой сбрасывает свой плащ, символ княжеской власти и славы мира сего (см.: [9. С. 100]). В «Сказании» есть поступок, несущий аналогичную смысловую нагрузку. Его совершает не один герой, а все русское войско. Воины переходят Дон, лишая себя возможности отступления. Наиболее этикетно данный эпизод передан в Киприановской редакции «Сказания». «Тогда князь великий Дмитрий Иванович укрепився о Христе, помоляся <...> и мужественно рече ко всем: «Братия, лучше есть честна смерть злаго живота: лутчи было не ити противу безбожных сих, неже, пришед и ничтоже сотворив, возвратитися вспять. Прейдем убо ныне в сии день за Дон еси и тамо положим главы своя еси за святыя церкви и за православную веру, и за братию нашу, за христианство!» И тако повеле коемуждо полку чрез Дон мосты устраати <...> И поидоше через Дон, пришедшим же всем и мосты за собою разрушшим» [10. С. 60]. Русские князья-полководцы думали не только о выгодах занимаемой ими позиции. Перейдя Дон и разрушив мосты, они лишили себя возможности отступления и поражения: выбора нет, впереди только победа, если не физическая, то духовная («венец победный»). «И аще побием, ть вси спасемся, аще ли умрем, ть вси общую смерть примем от князей и до простых людей» [10. С. 38]. При получении вести о приближении татар многие воины «възрадоваияся радостию великою, зряще своего желаемого подвига, его же еще на Руси възделеша». (Тут же автор замечает, что многие «от обоих [сторон] унывають, видяще убо пред очима смерть») [10. С. 38].

«Сказание» донесло до нас легенду, в которой конкретизируется символика мученической смерти русских воинов на поле брани. Это рассказ «верного самовидца». «Въ шестую годину сего дни видех над вами небо развръсто, из него же изыде облак, яко багрянаа заря над пльком великого князя, дръжашася низко. Тъй же облакъ испльненъ рукъ человеческих, яже руки дръжаше по велику пльку ово проповедники, ово пророческы. Въ седмый же часъ дни облакъ тый много венцевъ дръжаше и опустишася над пльком, на головы христианьскыя» [10. С. 44].

В «Истории» Грозный обращается к воинам перед последним штурмом города: «Даубитыя ныне от казанцев с мученики венцы примут на небесех от Христа Бога нашего, и напишутся имена их у нас во вседневныя сенодики вечныя [15], и поминаемы будут по вся дни во святых соборех церковных» [11. С. 510]. До этого автор описал гибель в Казани царских воевод, которых татары принуждали отречься от христианской веры. После отказа они были преданы смерти. «Иумроша за веру христианскую, пострадаете мученический смерти от безбожных варвар, положиши храбрыя главы своя за Рускую землю. И вместо земных чести <...> прияша с мученики победныя венцы от Христа Бога на небесех» [11. С. 438].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Васильев В.К. Церемониал подготовки к битве (на материале древнерусских воинских повестей) / В.К. Васильев // Вестник Краснояр. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. - 2002. - № 2.
2. Послания Ивана Грозного. - М.-Л., 1951.
3. В свою очередь, «...ношение монашеского платья не монахами считалось на Руси совершенно недопустимым. Тот, кто надел это платье даже случайно, обязан был принять постриг» (Панченко А.М. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха / А.М. Панченко, Б.А. Успенский // Труды Отдела древнерусской литературы. - Л., 1983. - Т. 37. - С. 57).
4. Запрет распространялся и на занятия охотой. «Попам и епископам митрополит Георгий (ок. 1065 - ок. 1076 гг. -В.В.) строжайше запрещал охоту: «аще поп ловит звери или птицы, да извержется сана», а епископ подвергался той же каре даже если только «носил ястреб на руке (охотничья птица. - Б.Р.), а не молитвенник» (цит. по кн.: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. / Б.А. Романов. - М.-Л., 1966. - С. 93.) В связи с этим интересно, что бывшего патриарха Никона, сосланного в Ферапонтов монастырь в звании простого чернеца, в частности, обвиняли в следующем неподобающем его званию поступке: «Он же Никон из пищали стреляет, и из кельи застрелил птицу баклана» (Дело о патриархе Никоне. - СПб, 1987. - С. 344; ср.: С. 345).
5. Новая повесть о преславном Российском царстве // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI - начало XVII века. - М., 1987.
6. Беседа преподобных Сергия и Германа валаамских чудотворцев // Летопись занятий Археографической комиссии. - СПб, 1895.
7. Едва ли не единственный известный в древнерусской литературе пример, когда монахи получают благословение выйти на поле брани как обычные воины, связан с событиями Куликовской битвы. Иноки Пересвет и Ослябя, в

- прошлом искусные ратники, с благословения Сергия Радонежского отправляются с великим князем Дмитрием Ивановичем сразиться против татар (см.: Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла [10. С. 349]). «То, что в войске Дмитрия появились ратники монахи, означало, что война с завоевателями - священное дело, общий долг всех русских людей» (Лихачев Д.С. Мировое значение Куликовской победы [10. С. 257]).
8. Васильев В.К. Литературоведение и феномен сюжета-архетипа. *Статья 1* // Вестник Краснояр. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. - 2000. - № 2.
 9. Васильев В.К. Литературоведение и феномен сюжета-архетипа. *Статья 2* // Вестник Краснояр. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. - 2001.-№1.
 10. Сказания и повести о Куликовской битве. - Л., 1982.
 11. Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. - М., 1985.
 12. Дмитриев Л.А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. - М.-Л., 1955. - Т.11.
 13. Об отречении юродивого от мира см. в кн.: Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В.Поньрко. - Л, 1984.-С. 207.
 14. Слово о Куликовской битве Софония рязанца (Задонщина) // Воинские повести Древней Руси. - М.-Л., 1949.
 15. Синодик, куда включались имена «от иноплемennых на бронях и на всех побоищах избивенных...», Грозный велел завести еще в 1548г. (Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. - М., 1986. - С. 168; здесь же публикация «Синодика по убиенным на брани» - С. 174-189.)